

ДРУЖБА НАРОДОВ

- *Ася Умарова*
Приходи свободной
Повесть
- *Елена Елагина*
Быть листком среди листьев других
Стихи
- *Валерий Былинский*
Ночь с идиотом
Рассказы
- *Анатолий Гаврилов, Павел Елохин*
Записки фрилансера
Повесть
- *Андрей Столяров*
Война миров
Исламский джихад как историческая неизбежность

9'2017

«Пабудзі мяне рана-раненька...»

Студыя сярнявельнага перавода

Наследуя многалетнім традыцыям перавода журнала «Дружба народав», хателось бы возродить студыю сярнявельнага перавода аднаго стыхтворення, у истоков которой стоял известный литературный критик Лев Аннинский (см. ДН 1978, № 5 — сонет Максима Рыльского; 1983, № 6 — стыхтворение Расула Гамзатова; 1985, № 5 — Максима Танка и др.).

Для публікацыі выбрана стыхтворенне Міхася Стрельцова (1917—1987), беларускага паэта из поколения «оттепели», названнаго в Беларусіі «філолагічэскім». После своей внезапной смерти он стал на родине культовой фигурой. Его поэзия и сегодня очень востребована в Беларусі, где большой популярностью пользуется ежегодный Стрельцов-фест. Однако имя поэта, вокруг которого сложилась целая мифология: светлая личность, одинокий гений, падашій богаізбраннік — мало что говорит современному небеларусскому читателю, поэтому переводы на русский и украинский языки стыхтворення Міхася Стрельцова, сделанные по просьбе «ДН» поэтами Беларусі, Россіи и Украіны, кажутся особенно актуальными.

Міхась Стрельцов (1937—1987)

* * *

Пабудзі мяне рана-раненька,
Прыбярэ мяне ты старанненька.
З дому выйду я — паўзіраюся,
З наваколлеякам развітаюся.
Не туды пайду, дзе хвашчак расце,
А туды пайду, дзе чабор цвіце.
Шумам-яварам, цвет-калінаю
Мне дарожанька сакаліная.
Стрэчу шчасцейка — не клянні мяне.
Стрэчу горайка — не заві мяне.
Бо жылі з табой мы ў кляцьбе-журбе,
Мне дарожанька — адпачын табе.

* * *

Разбуді мяне рана-раненька,
Наряді мяне ты старательненька.
Из дому выйду я — повсматриваюся,
С окрестностями попрощаюсь.
Не туда пойду, где хвоиц растёт,
А туда пойду, где чебрец цветёт.
Шумом-явором, цвет-калиною
Мне дороженька соколиная.
Встречу счастья — не кляни меня.
Встречу горюшко — не зови меня.
Потому что жили с тобой мы в проклятье-печали.
Мне дороженька — отдых тебе.

(подстрочный перевод)

Инга Кузнецова (Россия)

* * *

Разбуди меня рано-раненько,
Собери меня в путь как странника.
Напоследок я оглянусь окрест —
Бог не выдаст, да и свинья не съест.
Не туда пойду, где хвощи растут,
А туда пойду, где цветы цветут.
В шуме кленов я, в огне калины я.
Свет-дорога мне соколиная.
Встречу счастье я — не кляни меня,
Встречу горе я — не зови меня.
Наша жизнь была колготой-тоской.
Нынче мне — поход, а тебе — покой.

Мария Маркова (Россия)

* * *

Разбуди меня спозараночку,
Наряди меня со стараньицем.
Выйду из дому — осмотреться я,
Попрошаюсь, да со сторонкою.
Не туда пойду, где повыврос хвощ,
А туда пойду, где чабрец в цвету.
Шумом-явором, цвет-калиной
Мне дороженька соколиная.
Встречу счастьяце — не кляни меня.
Гореваньице — не зови меня.
Ведь с тобою мы жили в жалости.
Мне дороженька — угомон тебе.

Татьяна Светашёва (Беларусь)

* * *

Разбуди меня рано-раненько,
Приодень меня аккуратненько,
Выйду из дому я в последний раз —
Осмотрюсь кругом, сколько хватит глаз.
Не туда пойду, где хвошак растёт,
А туда пойду, где чебрец цветёт.
Шумом-явором, цвет-калиною
Мне дороженька соколиная.
Встречу счастьешко — не кляни меня.
Встречу горюшко — не зови меня.
Ведь в силке-тоске жили мы с тобой.
Мне дороженька — тебе покой.

Ольга Злотникова (Беларусь)

* * *

Разбуди мяня раным-раненько,
 Приодень мяня акуратненько.
 Выйду из дому — осмотрюсь кругом,
 Распрошаюсь с местом, где отчий дом.
 Не туда пойду я, где хвощ растёт,
 А туда пойду, где чабрец цветет.
 Шумом-явором, цвет-калиною
 Мне дороженька соколиная.
 Встречу счастьюшко — не кляни мяня.
 Встречу горюшко — не зови мяня.
 Наша жизнь была — грусть-проклятие,
 Мне — в дороженьку, отдыхать — тебе.

Наталья Бельченко (Украина)

* * *

Разбуди мяня до зари
 И как надо в путь собери.
 Выйду из дому — осмотрюсь,
 Всей околице поклонюсь.
 Не туда пойду, где бурьян растет,
 А туда пойду, где чабрец цветет.
 Шумом-явором, цвет-калиною
 Мне дороженька соколиная.
 Встречу счастьяце — не кляни мяня,
 Встречу горюшко — не зови мяня.
 Ведь в тоске-вражде проводили дни.
 В путь-дорогу — я, ты же — отдохни.

* * *

Розбуди мене вранці-рано,
 Споряди мене в путь старанно.
 Шлях мій — з дому до виднокраю,
 Всю околицю привітаю.
 Не туди піду, де бур'ян росте,
 А туди піду, де чебрець цвіте.
 Шумом-явором, цвіт-калиною
 Йтиму стежкою соколиною.
 Стріну щастячко — не кляни мене,
 Бідуватиму — ти не клич мене.
 Бо жили з тобою в клятьбі-журбі,
 Тож мені — похід, супокій — тобі.

Аркадий Штыпель (Россия)

* * *

Обуди мене рано-ранесенько
 Убери мене гарно-гарнесенько.
 Вийду з дому — ген поозираюся,
 Їз докільлям усім попрощаюся.
 Не туди піду, де хвощай росте,
 А туди піду, де чебрець цвіте.
 Шумом-явором, квіт-калиною
 Рушу стежкою соколиною.
 Стріну щастячко — не кляни мене.
 Стріну горечко — не зови мене.
 Бо жилося нам у клятьбі-журбі,
 Довгий шлях мені, відпочин тобі.

Андрей Столяров

Война миров

Исламский джихад как историческая неизбежность

Три загадки

Исламский мир грандиозен. В настоящее время, согласно разным оценкам, ислам исповедуют от одной пятой до одной четверти всех людей, проживающих на Земле. Исламские уммы охватывают более 120 стран, в основном в Западной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также в Северной Африке. В 35 странах мусульмане составляют большинство населения, а в 28 странах ислам является государственной религией¹. Это Афганистан, Египет, Ирак, Иран, Кувейт, Марокко, Пакистан, Саудовская Аравия и другие.

Исламскому миру, его возникновению и развитию, его религии и культуре, его политике и экономике посвящено множество серьезных исследований. Исламский мир изучают ныне целые институты и научные центры. Интернет почти на любой запрос по исламу откликается сотнями тысяч страниц.

И все же в истории Исламского мира есть три загадки, которые превратили его в величайшую тайну.

Перечислим их в хронологическом порядке.

Загадка первая. Как довольно бедные и отсталые аравийские племена, прозябавшие в оцепенении, в отличие от Европы, почти тысячу лет, сумели буквально в одно мгновение — по историческим меркам, конечно, — создать могущественную цивилизацию, породившую несколько громадных империй?

Загадка вторая. Почему стремительно развивавшийся и расширявшийся Исламский мир вдруг на исходе Средних веков остановился, будто наткнувшись на невидимое препятствие, и превратился в конце концов в колониальные территории Запада? И в продолжении этого же вопроса. Почему после освобождения от колониальной зависимости Исламский мир не сумел создать развитых, процветающих государств, хотя такие попытки неоднократно предпринимались?

И третья загадка. Почему в конце XX — начале XXI века Исламский мир, будучи по-прежнему слабым и в военном, и в экономическом отношении, внезапно — в лице своих радикальных организаций — атаковал западную цивилизацию, Европу и США,

---

Столяров Андрей Михайлович — прозаик, автор многочисленных статей по аналитике современности и книги по философской аналитике «Освобожденный Эдем» (2008). Публикации в «Дружбе народов»: «Новая земля и новое небо» (№ 4, 2014); «Герой нашего времени» (№ 11, 2014); «Дайте миру шанс». Повесть по мотивам реальности (№1, 2015); «Ярче тысячи солнц» (№1, 2016).

неизмеримо превосходящую его по технологическому развитию? Почему именно Запад стал сейчас для Мира ислама врагом номер один?

Попробуем ответить на эти непростые вопросы.

Эхо Большого взрыва

Есть в истории ислама дата, которая называется Ночью величия и могущества (Лайлат аль-Кадр). Приходится она на 27-й день месяца рамадана. В эту ночь на скромного жителя города Мекки по имени Мухаммед из арабского племени курайшитов, молившегося в пещере Хира на горе Джабаль ан-Нур, снизошло Откровение. Мухаммед увидел, как край неба внезапно озарился светом, и услышал голос ангела Джibriла², приказавший ему: «Читай!» Испуганный, Мухаммад ответил, что он читать не умеет, тогда ангел сильно сжал его и снова приказал: «Читай!» И еще дважды отказывался Мухаммед, и ангел дважды сильно сжимал его. А затем изрек: «Читай во имя Господа твоего, который создает... создает человека из сгустившейся крови; читай... всеблагодать Господь твой, который дал познания о письменной трости, дает человеку знание о том, о чем у него не было знания» (96:1-5)³. Наконец Мухаммад понял, чего от него требуют, и стал повторять за ангелом слова откровения Всевышнего, а ангел теснил его грудь свитком священного Корана. В другой же раз Мухаммед узрел ангела Джibriла, когда шел по дороге; тот сидел на троне между землей и небом. Смятенный Мухаммед вернулся домой и попросил: «Укройте меня, укройте меня!», — а когда его укрыли, услышал голос: «О, закутавшийся в одежду! Встань и поучай, Господа твоего — величай, одежды свои — очищай, мерзости — убегай. Делая добро, не будь корыстолюбив, ради Господа твоего будь терпелив» (74:1-7).

С этого момента, который в европейском летоисчислении приходится на 610 год, началась история Исламского мира, одной из великих цивилизаций, существующих сейчас на Земле.

Откровение снизошло как раз вовремя. Аравия была готова принять единого бога. Арабские племена, молившиеся тогда разным богам, уже были знакомы и с иудаизмом, и с христианством, то есть с монотеистическими религиями, которые, правда, оставались для них чужими. Кроме того, именно в этот период появилось множество мудрых ханифов — «благочестивых людей», спонтанных философов, также проповедовавших монотеизм. Они не принимали целиком ни иудаизма, ни христианства, но отвергали сонмы языческих идолов и провозглашали, что бог есть только один.

Однако ислам имел перед ханифизмом несомненное преимущество. Бог ханифов был слишком неопределенным. Это был не столько единый бог, дающий четкие указания как надо жить, сколько смутные, неоформленные мечтания о едином боге. Бог ханифов не имел привязки к конкретной социальной реальности. Напротив, ислам, внезапно открывшийся Мухаммеду, провозглашал, что единый бог — это Аллах, никакого другого бога нет и не может быть, и придавал новой вере четкие мировоззренческие характеристики. Во-первых, подразумевалось, что если бог обратился к арабам, то отныне они представляют собой избранный им народ — народ, несомненно, стоящий выше других народов Земли. Во-вторых, ислам, вопреки племенной иерархии, провозглашал всеобщее равенство, утверждая словами пророка: «О люди! Поистине, ваш Господь один, и ваш праотец один. И нет превосходства у араба над не арабом, и не араба над арабом. Как и нет превосходства белого человека над чёрным, и чёрного над белым! Превосходство одних людей над другими может быть лишь в богобоязненности!»⁴ Второе, правда, противоречит первому, но это не должно нас смущать. Религия никогда не строится в координатах логики. Религия — это аксиологический кластер, набор равнозначных истин, не сводимых друг к другу. Противоречия между ними преодолеваются верой. «Верую, потому что нелепо», — так

сформулировал это Тертуллиан. И наконец ислам провозглашал справедливость: отныне священной обязанностью каждого мусульманина становился закят — налог в пользу бедных, таким образом демпфировалось социальное расслоение.

Это были крупнейшие для своего времени мировоззренческие инновации. Они фактически представляли арабам новый прекрасный мир. Мир, где торжествуют равенство и справедливость. Мир, где всякий искренне верующий обретет вечный рай. Мир, где каждому будет воздано по заслугам его.

Ничего удивительного, что к этому сияющему идеалу сразу же потянулось множество самых разных людей.

Правда, именно из-за принципиальной новизны ислама против него выступили мекканские традиционалисты. Точно так же как шестью веками ранее иудейские традиционалисты в Иерусалиме выступили против нарождающегося христианства. И там, и там речь шла о власти, об утрате влияния прежних жрецов и вождей.

Мухаммеду повезло больше, чем Иисусу Христу. Когда над ним нависла реальная угроза расправы, он вместе с группой своих последователей переселился в оазис Ясриб, позже получивший имя Медина. Здесь и возникло первое исламское государство, которое к моменту смерти Мухаммеда включало в себя практически всю Аравию.

А дальше начинается фантастическая по своим масштабам экспансия. Исламский халифат (существовавший под именами различных династий) захватывает Египет, Сирию, Палестину, всю Северную Африку вплоть до океанского побережья, захватывает Ирак, Иран, большую часть Закавказья, Прикаспийские территории, значительную часть Средней Азии. В 688 году армии Халифата высаживаются на Кипр. В 711 году они через Гибралтарский пролив вторгаются в Западную Европу — под власть ислама оказывается практически вся Испания. Затем «мавры», как именуют их европейцы, громят французскую Аквитанию, берут штурмом города Бордо, Санс, Муассак и направляются к Туру. Остановить их дальнейшее продвижение удастся только Карлу Мартеллу в битве при Пуатье.

История, разумеется, знает примеры необычайно быстрых завоеваний, когда гигантские имперские образования возникали буквально из ничего. Такой была империя Александра Македонского, простершаяся от Греции до Индийского океана, или империя монголов, включавшая в себя территории от Дуная до Японского моря. Однако эти империи были созданы гениями полководцев-вождей, и после их смерти такую искусственную державу ждал необратимый распад. Здесь же случай был совершенно иной. Возникла не просто очередная имперская эфемеридка, возникла новая мировая цивилизация, организующей силой которой стал ислам.

Можно провести следующую аналогию. Как физическая Вселенная образуется в результате Большого взрыва и стремится к экспансии, к безудержному расширению, пределов которому нет, так и мировые цивилизации, возникшие на основе религий, проходят «стадию взрыва», образуя свои собственные вселенные. Законы мира универсальны — они проявляют себя на каждом онтологическом уровне. Свои вселенные образовали Индия и Китай, свою вселенную сформировало раннее «деятельное» христианство, свою вселенную в начале XX века создал социализм — светская религия, также стремившаяся к беспредельной экспансии. Наконец, собственную геополитическую вселенную образовал западный либерализм — тоже своего рода религия, ныне пытающаяся включить в себя все мировое пространство.

Другое дело, что не любая религия, претендующая на всемирный (универсальный) статус, обладает достаточной онтологической энергетикой, чтобы создать самостоятельную цивилизацию. Сколько их кануло в историческое небытие, не оставив после себя почти никаких следов. Ислам такой энергетикой обладал. И если рассматривать данную ситуацию в координатах социальной механики, то это была та же пассионарная энергетика, которая двигала крестоносцами, стремившимися в Иерусалим, протестантами, переплывавшими океан и высаживавшимися на берегах

Североамериканского континента, коммунистами (большевиками), сражавшимися на фронтах Гражданской войны. Всеми ими овладевала ослепительная иллюзия — создать Царство Божие на земле, воздвигнуть Град на холме, построить «светлое будущее» (коммунизм), то есть мир, где не будет несчастий, угнетения и нищеты, мир, где, согласно божеским или социальным законам, восторжествуют равенство, братство и справедливость.

Причем, если вернуться к исламу, это была не только физическая экспансия. Не менее интенсивным было в этот период и культурное развитие Исламского мира. Небывалого расцвета достигли исламская наука, искусство, литература, исламская философия, исламская медицина. Европейские «варвары», у которых неграмотными были даже великие короли, с восхищением и нескрываемой завистью взирали на богатый и цивилизованный мусульманский Восток.

Здесь следует пояснить один принципиальный момент. Всякая история, как правило, сильно идеологизирована и предстает перед нами в национальных или цивилизационных форматах. Простой пример. Мы знаем, что основную тяжесть Второй мировой войны несла на себе Россия (тогда — Советский Союз) и поворотными пунктами этой войны были битва под Москвой, Сталинградская битва и битва на Курской дуге. Но если спросить рядового американца, кто выиграл Вторую мировую войну, то он ответит (если вспомнит, конечно, что такая война вообще была), что победила Америка и что главное сражение этой войны произошло у атолла Мидуэй (Гавайский архипелаг), где героический американский флот разгромил японскую военно-морскую эскадру. А если спросить среднего англичанина, кто сокрушил Наполеона, то никаких сомнений у того не будет: сделал это английский герцог Веллингтон в битве при Ватерлоо. Или другой пример. Мы хорошо знаем о жестокостях испанских конкистадоров в Латинской Америке (это британская версия европейской истории), но упускаем из виду, что сами англичане, создавая империю, а также голландцы, бельгийцы, итальянцы, французы действовали в своих колониях ничуть не лучше⁵. Или: все, вероятно, знают о блистательной победе английского флота над испанской «Непобедимой Армадой», которая была разгромлена им в пух и прах, но мало кто слышал, что через год англичане послали аналогичную «Армаду» к берегам Испании и испанцы точно так же полностью разгромили ее, после чего в течение 15 лет выигрывали у Англии все сражения на морях.

В России с этим обстоит несколько лучше. В многонациональном Советском Союзе по крайней мере часть «восточной истории» в школах преподавалась. И потому россияне старшего поколения, видимо, помнят великих поэтов Низами, Саади, Фирдоуси, слышали о том, что цифровую запись Европа переняла именно у арабов, что крупнейшую в средневековый период обсерваторию построил хан Улугбек, могут назвать имена Ибн-Синны (Авиценны) и Аверроэса (Ибн Рушда), а кое-кто, вероятно, знает даже Альхазена и Бируни.

Не будем подробно рассказывать о достижениях исламской культуры. Об этом существует множество серьезных исследований. Несомненно одно: на исходе Средних веков культура Исламского мира явно превосходила культуру средневековой Европы. Достаточно вспомнить, что Магеллан, достигший в апреле 1521 года Филиппин, встретил там арабских купцов, которые уже давно освоили этот привлекательный регион. Или еще более интересный факт: подъем итальянских городов в XIV веке, инициировавший европейское Возрождение, был не в последнюю очередь вызван их успешной торговлей с Левантом⁶. Добавим, что весомая часть античных книг, посвященных наукам, философии и медицине, книг, которые во многом обеспечили Возрождение, попала в Европу именно из исламских стран. А первый в мире настоящий университет был основан в Тунисе еще в 734 году, тогда как первый европейский университет в Болонье — на триста пятьдесят лет позже.

Правда, насколько можно судить, современные европейцы и американцы, за исключением редких специалистов, об этом слыхом не слыхивали. В их представлении

Исламский мир всегда был отсталым и нищим. И потому, вероятно, прав западный автор, сказавший, что «Ислам не просто поделился с Западной Европой многими достижениями своей материальной культуры и техническими открытиями, он не только стимулировал развитие науки и философии в Европе, он подвел Европу к созданию нового представления о самой себе. Поскольку Европа выступала против Ислама, она приуменьшала сарацинское влияние и преувеличивала собственную зависимость от греческого и римского наследия. Зато теперь нам, сегодняшним жителям Западной Европы, которая близится к эпохе единого мира, важно исправить это искажение и признать полностью наш долг арабскому мусульманскому миру»⁷.

Расцвет культуры в средневековом Мире ислама был не случайным. Его активировали специфические особенности ислама как «тотальной религии». Подробнее мы скажем об этом несколько позже, а пока лишь заметим, что ислам, по крайней мере в классической форме своей, очень благосклонно воспринимает науку. Процесс познания в исламе рассматривается как своего рода акт реализации веры. Поскольку мир был создан богом во всей его полноте, то и познание мира есть приближение к богу. Первый мусульманин, получивший Нобелевскую премию, данную ему за исследования в области ядерной физики, доктор Абду Салам утверждает, что более 700 аятов Корана, а это почти одна восьмая часть Священной книги, побуждает верующих изучать природу, обращаться к разуму и приобретать знания для научного осмысления жизни. По мнению некоторых историков, современные научные методы впервые разработаны были именно в Мире ислама⁸, и, вероятно, не будет преувеличением сказать, что сама наука, в нынешнем значении этого слова, возникла внутри исламской цивилизации.

Интересно, что мнения о науке как о способе разумного богопознания позже придерживался и Исаак Ньютон. Он тоже считал, что поскольку мир создан Богом, то изучение параметров этого мира есть вид религиозной деятельности.

Что это — эхо исламской гносеологии, приблизительно через 400 лет докатившееся до Великобритании? Или единство законов развития открыло выдающемуся английскому физическому аналогичный сюжет?

В общем, в разгаре Средних веков казалось, что исламскую цивилизацию ждет великое будущее. Центром мира станет не Запад, а грандиозный Исламский мир.

И вдруг это необозримое половецкое идет на спад.

В конце XI столетия крестоносцы, прибывшие из Европы, завоевывают Иерусалим. В конце XV столетия Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская изгоняют из Испании последних мавров. Отныне Пиренейский полуостров свободен от мусульман. А в 1683 году объединенное польско-австрийско-германское войско наносит колоссальное поражение Османской империи под Веной и затем отвоевывает у турок Венгрию и Трансильванию.

К началу XX века значительная часть исламских стран превращается в колонии Запада, а те, которые сохраняют формальный суверенитет, все равно находятся в сильной зависимости от европейских держав.

История меняет одежды.

Великий Дар аль-ислам — Мир ислама, стремившийся охватить собой всю Ойкумену, — вдруг меркнет и развеивается несбыточными мечтаниями.

Революция, которой не было

Переход ислама к экспансии был явлением закономерным. Дело в том, что ислам — вместе с иудаизмом и христианством — относится к религиям, которые называются авраамическими. Названы же они были так потому, что все три признают пророческой книгой Ветхий Завет, согласно которому патриарх древних семитских

племен Авраам стал первым человеком в языческом мире, поверившим в «настоящего» Бога.

Авраамические религии совершили подвиг, равного которому в человеческой истории, пожалуй, нет. Они разомкнули время, превратив его из циклического, вращающегося по кругу, в линейное, векторное, направленное, имеющее теперь прошлое, настоящее и будущее.

Кратко поясним эту мысль.

Глобальная трансценденция, под которой мы в данном случае понимаем комплекс предельных метафизических представлений о происхождении, устройстве и назначении мира, выраженных, как правило, в религиозной форме, распаковка которой, в свою очередь, порождает аксиологические координаты и тем самым создает специфику цивилизационного бытия, еще на заре человечества разделилась на две крупные ветви — западную и восточную.

Западная трансценденция опирается на представление о «внешнем боге», то есть о боге, существующем вечно, сотворившем наличный мир, который уже с момента возникновения устремлен к своему творцу. В таких цивилизациях рождается «сюжетное время» (немецкий философ Карл Ясперс назвал его «осевым»), то есть время, образующее не замкнутый цикл, где невозможно определить ни конца, ни начала, а последовательность событий, не имеющих исторического повтора. Таков, в частности, мифологический сюжет христианства: сотворение мира — создание человека — жизнь в раю — грехопадение — земная жизнь — второе пришествие — путь к спасению — Армагеддон — Страшный суд — Конец света, означающий слияние мира с богом. Время здесь, разумеется, все равно течет «из вечности в вечность» и тем не менее имеет очевидную векторную направленность. Это, в свою очередь, порождает представление о прогрессе — последовательном развитии, сознательном преобразовании мира и приближении его таким образом к Богу. Цивилизация в этом случае становится экстравертной: она непрерывно пытается выйти за пределы самой себя, что выражается, с одной стороны, в постоянной экспансии, пространственном наращивании уже имеющихся цивилизационных структур, а с другой — в «вертикальном развитии», столь же постоянном стремлении выйти на более высокий техносциальный уровень. Такой трансценденцией обладает, например, современная западная цивилизация, что и обуславливает более высокую, по сравнению с другими мировыми культурами, скорость ее развития. Заметим, что экстравертные цивилизации, как правило, обращены в будущее, а потому подвержены всем неожиданностям, которые оно приносит с собой.

Восточная трансценденция имеет совершенно иные цивилизационные характеристики. Она опирается не на «внешнего бога», а на «внутреннюю истинность мира», бытующую изначально. Иными словами — на некую сущность (Дао, Брахман), не поддающуюся никакому определению. Бог здесь не является творцом всего. Напротив, он сам порождается миром как воплощение этой истинности. Так был порожден Будда, первоначально являвшийся человеком и ставший Богом лишь после внезапного мистического прозрения. Так были обожествлены Конфуций и Лао-Цзы, тоже первоначально являвшиеся обычными смертными. Время в подобных цивилизациях остается циклическим, замкнутым: архаическим, «древним временем» повторяющихся сельскохозяйственных круговоротов. Цикл может быть расширен до двенадцати или до шестидесяти лет, до двухсот, до трехсот, даже до нескольких тысячелетий, но он все равно остается циклом, возвращающим бытие к исходной точке. Поэтому представление о развитии в этих цивилизациях выражено довольно слабо. Трансценденция тут устремлена к истине, «внутри», и почти не проявляет себя во внешней экспансии. С точки зрения постороннего наблюдателя, такие цивилизации-интроверты выглядят «оцепенелыми». Они не столько осознанно следуют по пути технологического прогресса, сколько побуждаются к тому неумолимым ходом истории.

Эти цивилизации обращены не в будущее, а в прошлое, и потому, как правило, не готовы к крупным цивилизационным преобразованиям.

Примером интровертных цивилизаций могут служить культуры Китая, Индии и Японии (по крайней мере до «эпохи Мэйдзи», когда Япония начала устанавливать европейскую трансценденцию в свой национальный менталитет), культуры Вьетнама, Кореи, Монголии и некоторых других стран.

То есть западная трансценденция социализировалась значительно быстрее, чем восточная. Представление о прогрессе, рождаемое сюжетным временем, в свою очередь, порождало в них сопряжение технологических инноваций. Новшества в результате не оставались разрозненно-изолированными, как в ареалах восточных культур, а непрерывно преобразовывались европейским сознанием в более высокое цивилизационное качество.

Китайцы, как известно, изобрели компас почти на тысячу лет раньше, чем он появился в Европе, порох они использовали для устройства праздничных фейерверков задолго до того, как его открыл монах Бертольд Шварц, также очень давно они овладели плавкой металлов и составлением карт Земли, а китайские многопалубные корабли, по свидетельству летописцев, уже на заре нашей эры могли принимать на борт по тысяче и более человек. Фантастические показатели по сравнению с первыми европейскими морскими судами. И тем не менее, эти дополняющие друг друга технические инновации не были своевременно совмещены, и потому не китайские «кылики» и «драконы» начали географическое освоение мира, а утлые каравеллы Колумба, Магеллана, Писарро, Васко да Гамы, несущие артиллерию, неизвестную народам Южных морей. Не Китай и не Япония проникли в Северную Америку, до которой им, кстати, плыть было несколько не труднее, чем из Европы, а английские, французские, голландские и немецкие эмигранты приступили к освоению пустынного — с европейской точки зрения — континента. Китай не сделал попытки продвинуться даже в граничащие с ним районы Южной Сибири, оставив эти территории будущему Российскому государству.

В исторически короткий период Европа колонизировала не только Северную Америку, где ей противостояли слабые в техническом отношении, разрозненные индейские племена, но и Южную Америку, сокрушив могучие империи ацтеков и инков, большую часть Юго-Восточной Азии, включая Индию, почти всю Африку, Ближний Восток и образовала жизнеспособные поселения даже в далекой Австралии.

Эта ошеломляющая по своим масштабам экспансия представляла собой материализацию специфически европейского «сюжетного» времени. Именно она, выраженная технологически, вывела сначала Европу, а потом и Соединенные Штаты в число лидирующих индустриальных держав, сделала мировую историю по преимуществу европейской и обеспечила опережающее развитие всего христианского цивилизационного ареала⁹.

Заметим, что аналогичная экспансия — пусть в значительной мере вынужденная — была свойственна и иудаизму. Только евреи создали империю не территориальную (физическую), а религиозно-культурную (символическую) — в виде множества еврейских общин, разбросанных по всему миру. Тем не менее это была именно собственная империя — со своей религией, своим государственным языком, своими законами, своими войсками, роль которых в средневековой Европе играл еврейский торгово-банковский капитал.

В этом смысле исламская цивилизация представляет собой удивительное исключение. Двинувшись первоначально по классическому «пути Авраама» (в арабской транскрипции — Ибрагим), то есть по пути территориальной и когнитивной экспансии, эта цивилизация внезапно остановилась и как бы впала в оцепенение, свойственное совсем другой трансценденции.

Что произошло с Миром ислама? Какой фактор затормозил его вроде бы

безудержное развитие? Почему в XIX веке Исламский мир превратился в «остывающую вселенную», которая от цивилизационного расширения перешла к цивилизационному схлопыванию?

На этот счет существуют разные точки зрения.

Большинство мусульман, как впрочем и большинство исламских элит, полагает, что вина за этот регресс лежит на западных странах. Колонизировав Исламский мир, Запад насильственно прервал его естественное развитие. Западные державы намеренно фиксировали в Исламском мире отсталость, чтобы выкачивать из него сырье и использовать его дешевые трудовые ресурсы.

Частичная правота в этом утверждении есть. Запад действительно не был заинтересован в технологическом и культурном развитии своих колоний и действительно использовал их как источник сырья и дешевых рабочих рук. Однако сразу же бросается в глаза явное противоречие. Не Запад сделал Исламский мир слабым, а потом колонизировал значительную его часть. Мир ислама уже был слабее Запада, когда начался этот цивилизационный конфликт. То есть «фактор сдерживания» был не внешним, а внутренним: в самой природе ислама появилось нечто такое, что стало препятствием для развития.

Более обоснованной поэтому представляется «экономическая точка зрения». Впрочем, она в такой же мере биологическая и культурная — экономика стала лишь интегральным выражением двух других компонент.

Дело здесь заключается в следующем. Аравийские племена испытали цивилизационный толчок, связанный с возникновением мировой религии, на 600 лет позже Европы. Когда пришел ислам, в Аравии еще господствовали родо-племенные и клановые отношения. Такие отношения порождают множество спонтанных войн, «всех против всех», следствием которых становится дефицит взрослых мужчин. А это, в свою очередь, порождает полигению: женщин, потерявших мужей, кто-то должен был содержать. Ислам это явление зафиксировал: каждому мусульманину разрешалось иметь до четырех жен. Женщины таким образом были выключены из социальной жизни, и исламская цивилизация потеряла значительную часть рабочих рук¹⁰. Косвенным подтверждением значимости этого фактора служат особенности европейской модернизации XVII — XIX веков: европейские мануфактуры использовали в большинстве дешевый женский труд. Заметим, что такой же ресурс был основой развития новых «азиатских драконов» уже во второй половине XX века: на сборочных предприятиях Таиланда, Тайваня, Южной Кореи, Китая и Сингапура трудились в значительной мере женщины, заработная плата которых была ощутимо меньше, чем у мужчин. А значит — ниже стоимость производства и выше конкурентные преимущества изготавливаемой продукции.

Этот экономический фактор, на наш взгляд, был резко усилен фактором религиозной специфики. Уже в VIII веке, всего через 100 лет после возникновения ислама, в халифате Омейядов, а вслед затем в сменившем его Аббасидском халифате формируется религиозно-философское течение мутазилитов. Суть этого течения — приоритет сознательного рационализма, проще говоря — разума, что, в свою очередь, индуцировалось хорошим знакомством мутазилитов с интеллектуальными традициями Античного мира. «Практически все положения исламского вероучения подвергались мутазилитами рациональному осмыслению и обоснованию. То, что противоречило доводам разума, ими отвергалось. Они утверждали, что суждение о том, является то или иное деяние плохим или хорошим можно выносить на основании здравого суждения, даже если по этому поводу нет прямых указаний Откровения. Таким образом, мутазилизм стал первой в истории Ислама мировоззренческой школой, которая попыталась дать рациональное толкование различным аспектам Шариата»¹¹.

Фактически философская школа мутазилитов стала предтечей известного европейского рационализма эпохи Просвещения, благодаря которому и произошел

взрывной рост европейских наук. Правда, судьба данной школы была совершенно иной. Если в Европе рационализм победил, то в Мире ислама он потерпел сокрушительное поражение. Против рационализма выступили суннитские ортодоксы, то есть те, кто считал, что исламу, созданному пророком Мухаммедом, не требуются никакие преобразования.

Правда, в исламе не было такой ожесточенной борьбы за догматически определенную истину и таких размеров преследований еретиков, как в христианстве. Значительно большее значение здесь приобретает борьба со всем, что может дезинтегрировать общество, нарушить его спокойствие и плавное течение жизни. Самое страшное в христианстве — ересь, отклонение от единственно верного учения церкви, и еретиков церковь в средневековой Европе посылает на костер. В исламе самое страшное — не отклонение от однозначно определенной истины (в шариате далеко не все однозначно определено, все мазхабы, то есть богословско-правовые школы в исламе, — равнозначны и равноправны), а «бида», «нововведение», будоражащее общество и нарушающее его согласие. Поэтому иудеи и христиане могут спокойно жить в мусульманском обществе, но пропаганда иудаизма и христианства среди мусульман, переход из ислама в другую веру карается смертью. Можно придерживаться разных мазхабов, но после того, как сложились и «окостенели» мазхабы, стало считаться, что новые создавать уже нельзя, более того, нельзя и прибавлять что-то новое к существующим мазхабам, «врата» самостоятельного суждения, «иджихада», закрылись (здесь, на наш взгляд, есть аналогия с идеей восточной, православной церкви, о том, что после семи вселенских соборов и разрыва с Римской церковью новые соборы и новые догматические определения уже невозможны). Не имея особой организации, устанавливающей истину, ислам спасается от дезинтеграции борьбой с нововведениями. И борьбу также ведут не особая организация — церковь и, как в средневековой Европе, церковная инквизиция, а государство и все общество, пресекающее попытки нарушить его спокойствие и согласие.

Блокировав развитие теософии, прежде всего «революцию рационализма», которая трансформировала Европу, Исламский мир тем самым затормозил гносеологическую экспансию, то есть «развитие по вертикали», невозможное без опережающего движения мысли. Доминировать стало воспроизведение догматов, что дало основание Мухаммеду Абдо назвать исламское общество «общиной подражателей»¹².

И наконец, есть еще один фактор, имеющий высокую значимость. Это отношение общества к материальному производству, производству физическому, то есть к труду, каковое является одним из фундаментальных параметров всякой цивилизационной культуры.

Чрезвычайно долгое время — и в Древнем мире, и в Античной эпохе, и в течение всех Средних веков — труд, особенно физический, ремесленный и сельскохозяйственный, считался исключительной принадлежностью низших сословий. Человек высокого социального статуса мог заниматься политикой, искусством или войной, но ни в коем случае не позорным ремесленным или крестьянским трудом. Римские патриции носили тоги — складки одежды свободно спадали у них с рук, работать в таком одеянии было нельзя. Сановники в Древнем Китае отращивали ногти невероятной длины, также чтоб показать: они свободны от унижительного физического труда. У средневекового европейского рыцаря даже при отсутствии всяких доходов и мысли не было самому налечь на соху — для него это значило бы потерять честь и достоинство. Даже в Новое время европейские аристократы считали зазорным включаться в конкретный заводской или фабричный процесс. Владеть копиями, фабрикой или заводом, получать с них доход — это да, но самому засучить кружевные манжеты — фи!.. это не для благородных людей! Нравственный смысл труду придала только протестантская Реформация XVI — XVII веков: труд в протестантских культурах был

приравнен к молитве, к деятельности, способствующей спасению нетленной души. Труд был оправдан, более того — он теперь обрел внятную сакральную суть. Причем, эта разница между латинскими и протестантскими странами видна до сих пор. Греки, итальянцы, французы, оставшиеся православными или католиками, рассматривают труд как обременительную обязанность; сиеста, свобода от принудительной деятельности для них гораздо важнее, в то время как для протестантских народов — голландцев, немцев, американцев, скандинавов и англичан труд есть исполнение священного долга.

Вот почему протестантские страны, как правило, превосходят страны католические и православные по темпам развития. В последних труд так и не стал высшей ценностью, придающей жизни надмирный, то есть божественный смысл.

Но если в католической части Европы и даже в православной России самостоятельная ценность труда все же была — хотя бы частично — осознана и воплощена, то в Мире ислама этого, по-видимому, не произошло. Здесь труд — ежедневный, напряженный, целенаправленный — не стал одним из высоких приоритетов, мотивирующих деятельность человека. Российский исламовед Е.А.Беляев пишет, что изначально «арабы считали своим исключительным правом и обязанностью <лишь> военное дело. Существовая за счет покоренного населения, большинство арабов, поселившихся в завоеванных странах, не занимались никаким трудом. По представлению мусульман, все полученное с покоренного населения должно было быть распределено среди мусульман»¹³.

И вот тут неизбежно всплывает главный вопрос. Почему в Мире ислама не произошла «революция рационализма»? Почему так сильно задержалось в нем освобождение женщин и почему ценность труда не приобрела здесь высокий, определяющий, аксиоматический смысл?

Нет бога, кроме Аллаха

Итак, ислам — по крайней мере частично — прошел тот же путь, что и другие авраамические религии. Он осуществил территориальную экспансию, подчинив себе значительную часть мира. Он осуществил мировоззренческую экспансию, выраженную бурным развитием наук и искусств. Он также прошел стадию конфессиональной дифференциации, неизбежную для всех сложных развивающихся доктрин. Христианство постепенно разделилось на католицизм, православие и протестантизм. Ислам разделился на суннитов, шиитов и хариджитов.

Сюжетная общность развития, на наш взгляд, сомнению не подлежит.

Однако имеются и поразительные отличия.

Ислам — именно как религия — добился на этом пути значительно больших успехов, нежели христианство.

Прежде всего он образовал исламскую умму — общность всех мусульман, существующую поверх государственных, этнических и культурных границ. Христианству, провозгласившему то же самое словами апостола Павла о том, что «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос» (Кол. 3:11), сделать это не удалось. Оно сначала было национализировано новыми европейскими государствами, возникшими после Вестфальского мира 1648 года и утвердившими принцип «чья земля, того и вера», который привел к образованию национальных церквей, а затем — приватизировано в рамках протестантизма, где любой человек может обращаться к богу непосредственно, напрямую, без каких-либо посредников в виде церковных чинов и даже, если захочет, может создать собственную «личную церковь» — со своими обрядами и со своим пониманием христианства. И потому в западных странах доминирует национальная

или государственная идентичность: человек в ней прежде всего англичанин, немец, француз и лишь после этого — христианин. А исламская умма, в общем, сохранила религиозную целостность: мусульманин в ней воспринимается именно как мусульманин, вне зависимости от его национальной или государственной принадлежности.

Общность всемирной исламской уммы усиливается еще и тем, что уже с момента возникновения, полторы тысячи лет назад, она представляла собой нечто вроде социального государства. Каждый мусульманин, как мы уже говорили выше, был обязан платить особый налог — закят, — идущий в том числе и на помощь нуждающимся. Христиане тоже были как бы обязаны подавать милостыню, но в христианстве это скорее традиция, зависящая от склонности самого человека. А в исламе закят — это один из пяти столпов веры, требование самого Аллаха, и никакой мусульманин не может им пренебречь.

Закят — очень мощный объединяющий механизм. С одной стороны, он как бы «очищает» богатство, дает моральное право им пользоваться, поскольку часть капитала идет на благие дела, а с другой — демонстрирует всем нуждающимся справедливость Аллаха, перед которым все мусульмане равны. Тем самым создается общность богатых и бедных, общность тех, кто находится в верхней части социальной шкалы, и тех, кто внизу, что, несомненно, повышает стабильность исламского общества и — опять же — непрерывно подчеркивает, что в исламе нет национальных границ.

Однако главной и принципиальной особенностью ислама является его мировоззренческая тотальность. Как пишет Л.С.Васильев, «ислам, пожалуй, наиболее сильная из религий мира. Это объясняется, в частности, тем, что как религиозная доктрина и форма социальной организации он всегда играл на мусульманском Востоке несколько иную роль, нежели, скажем, христианство на Западе. Никогда, даже в пору полного своего господства над людьми, в периоды самых жестоких гонений и разгула инквизиции, христианство не вытесняло полностью светской власти. Ислам же заполнил собой все поры мусульманского общества, определил характер экономических отношений и формы политической администрации, социальную структуру, культуру и быт правоверных. Духовная жизнь в исламских странах протекала в рамках ислама, была исламской как по сути, так и по форме. И хотя мусульманские мыслители свободно оперировали философскими категориями, не имевшими ничего общего с вероучением, все равно ислам был тем фундаментом, на котором стояли и от которого отталкивались правоверные. Можно было спорить по поводу неясных мест Корана, оспаривать те или иные суры и хадисы, становиться на точку зрения того или иного мазхаба, той или иной секты, но нельзя было выступить против ислама ни прямо, ни даже косвенно. Нельзя было не потому, что это кем-то категорически воспрещалось, а потому, что в условиях всеобщности ислама, его интегральности выступить против него означало выступить против всего того, что есть в жизни и обществе мусульман, то есть противопоставить себя этому обществу, оказаться вне его и вне закона»¹⁴.

Автор данной характеристики абсолютно прав. Ислам действительно пронизывает все сферы мусульманского общества, определяя собой политику, экономику, социальность, обыденную жизнь мусульман. Собственно, жизни, отделенной от веры, в мусульманской умме нет вообще. В западных странах, формально считающихся христианскими, власть, например, может быть чисто светской, и это ни у кого протеста не вызывает. Такими же светскими могут быть культура, образование, общественная и личная жизнь. Церковь может какие-то явления не принимать, она может считать их греховными и категорически осуждать, но, будучи отделенной от государства, она не в состоянии выйти за пределы этих границ. В мусульманских же странах таких границ нет. И государство, и общество здесь вырастают непосредственно из ислама. Точно так же, как из него вырастают культура, социальные отношения и

личная жизнь мусульман. Христианство потерпело историческое поражение, признав невозможность своей абсолютной власти над бытием. Ислам же, напротив, одержал в этом сражении историческую победу — он полностью подчинил себе бытие, став «тотальной религией» — религией онтологической полноты.

Причем возникать эта тотальность начала еще при жизни пророка. Так, одним из столпов ислама стала молитва (ас-салат или по-персидски — намаз).

Казалось бы, что здесь особенного? Молитва присутствует в каждой даже самой мелкой религии. Но давайте внимательно посмотрим на процедуру исламской молитвы, и мы поймем, почему ислам рождает такую страстную веру.

Итак, пять раз в день с минаретов доносится звучный крик муэдзина, не услышать который даже в городском шуме нельзя, — он возвещает азан (призыв на молитву) и содержит в себе семь обязательных формул. Это — «Аллах велик!», «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха!», «Свидетельствую, что Мухаммед — пророк его!», «Ступайте на молитву!», «Ищите спасения!», «Аллах велик!», «Нет бога, кроме Аллаха!»... Перед утренней молитвой к азану добавляется напоминание: «Молитва лучше сна!», а для особо благочестивых, ради молитвы пренебрегающих сном, азан дважды звучит среди ночи. Причем, заметим, что каждая формула повторяется от двух до четырех раз, а после азана, уже непосредственно перед началом молитвы, следует второй громкий призыв — икамат, где все семь формул с небольшой вариацией прокручиваются еще раз. И так — изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

При этом, услышав азан, где бы тот его ни застал, каждый мусульманин обязан остановиться и повторять почти весь призыв, прибавляя от себя: «Сила и могущество лишь у Аллаха!» А перед утренней молитвой он должен произнести: «Ты сказал истинно и справедливо!»

Говоря простым языком — не слабая идеологическая накачка! Если бы аналогичные методы практиковала Русская православная церковь, то число искренне верующих в нашей стране возросло бы, наверное, в десять раз.

Но это еще далеко не все.

Существует сложный, письменно зафиксированный молитвенный ритуал, которому обязан следовать любой мусульманин. Называется он "ракаат" и представляет собой целый цикл особых поз и движений, также сопровождаемых произнесением молитвенных формул. Все позы, движения и сами формулы следуют друг за другом в строго определенном порядке, нарушать этот порядок нельзя, поскольку тогда молитва будет недейственной. Напомним, что ежедневный молитвенный цикл состоит из пяти обязательных молитв. Кроме того существует особая пятничная молитва, как правило совершаемая в мечети, и в ней также присутствует свой тщательно соблюдаемый ритуал. Причем, «если человек считает себя мусульманином и трижды без уважительных причин пропускает пятничные молитвы, это признается недопустимым: с таким человеком нельзя советоваться, выходить за него замуж, свататься при его посредничестве, есть вместе с ним и вообще находиться в добрососедских отношениях»¹⁵.

Вспомним еще о кибле — направлении, указывающем на Мекку, которое необходимо знать каждому мусульманину. Лицом к Мекке мусульманин произносит молитву. Умершего мусульманина кладут в могилу на правый бок — также к Мекке лицом. При заклании жертвенного животного, например на празднике Ид аль-Фитр (Ураза-байрам), отмечаемом в честь окончания поста в месяце Рамадан, его (животное) режут (кстати, «с именем Аллаха и ради Аллаха»), тоже повернув головой в сторону Мекки. Даже спать мусульманину рекомендуется обратившись лицом к Мекке, причем на правом боку. Не случайно во всех исламских гостиницах это направление, то есть кибла, отмечено либо специальной нишей в стене, либо цветной линией на полу, либо табличкой со стрелкой. Кибла служит символом духовной общности

мусульман, объединяя их в умму, где бы они ни находились в данный момент. Кстати, верующий должен поминать Аллаха, пока не заснет, а проснувшись, обязан тут же Аллаха восславить.

Ну и конечно, хадж — паломничество в Мекку, которое хотя бы раз в жизни должен совершить каждый истинно верующий. Хадж является одним из столпов ислама и представляет собой грандиозное событие для мусульман. Не будем описывать сложный и длительный ритуал поклонения, выполняемый паломниками при хадже: специальное одеяние, побивание камнями дьявола, семикратный обход Каабы и т.д. Этот материал можно посмотреть в литературе, посвященной исламу. Однако заметим, что хадж точно так же — грандиозным действием своим — утверждает единство и равенство всех мусульман.

В общем, суммируя вышеизложенное, можно сказать, что пророк Мухаммед был и в самом деле гениальным пророком. Он не только провозгласил принципы новой универсальной религии. Одновременно с этим он — благодаря интуиции или мистическому прозрению — создал мощнейшую механику индоктринации, ежедневно и чуть ли ни ежечасно воздействующую на каждого мусульманина.

Конечно, подобного рода механизмы создавала любая религия, поскольку гипнотическое воздействие ритуала известно было уже с древних времен. Еще с тех смутных веков, когда шаман в первобытном племени бил в бубен и плясал у костра. Христианство тоже сумело создать очень сложные обрядовые конструкции. Но обратим внимание на принципиальную разницу двух этих методологий. При молебне, совершаемом, например, в православной церкви, в индоктринирующий ритуал включены в основном священники, а не миряне. С обычного мирянина какой спрос — ему достаточно перекреститься и произнести простенькую молитву. Точно так же при колокольном звоне: верующий — да и то, заметим, далеко не любой — быстренько обмахивает себя щепотью и бежит дальше по своим делам. В крайнем случае может пробормотать: «Господи, спаси меня и помилуй». Никакого сравнения с тщательной мусульманской молитвой, где одно омовение, которое мы не стали описывать, представляет собою особый самостоятельный ритуал. Даже в Средних веках, когда уровень религиозности был значительно выше, христианство охватывало своей индоктринирующей обрядностью лишь незначительную часть жизни людей. Большая же часть их жизни все-таки оставалась светской, что и было выражено известной формулой: «итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21).

Что же говорить тогда о нынешних временах!

Христианство не стало тотальным, и в этом его поражение как религии.

Ислам же, благодаря мощнейшему механизму индоктринации, поглотил собою практически все. Повторим: нет просто государственной власти, власть может иметь только исламский формат, нет просто социума, есть лишь исламский социум, который представляет собой нравственный абсолют, нет светских законов, есть лишь законы, соответствующие шариату, нет собственно светской жизни — жизнь может быть лишь мусульманской и никакой иной.

Вот что такое ислам.

В отличие от христианства, потерпевшего поражение в схватке с жизнью, ислам в этом сражении победил. Но вот парадокс: эта историческая победа ислама обернулась в итоге историческим поражением Исламского мира. Что, впрочем, понятно. Любой реальный абсолютизм, светский или религиозный, значения не имеет, неизбежно останавливает развитие. Абсолют и есть абсолют, вершина всего, превзойти которую невозможно, — он в принципе отвергает любые, даже самые позитивные, изменения. Возникает стагнация, в которой жизнь меркнет, как угасающая свеча.

Иллюстрацией тут может служить любопытный эксперимент, который еще в XVII веке поставили иезуиты. Получив, по согласованию с имперской Испанией, в свое распоряжение Парагвай, они жестко внедрили в жизнь местных индейцев все

христианские принципы. В течение более ста лет под строгим присмотром священников индейцы действительно жили как «истинные христиане»: благочестиво, трудолюбиво, неукоснительно соблюдая те правила, которые выработал католицизм. И каков был результат? Результатом стала апатия, и социальная, и человеческая, говоря проще, индейцы начали вымирать: у них без видимых внешних причин пропало желание жить¹⁶.

На наш взгляд, именно бытийный абсолютизм ислама, необычайная сила его индоктринального механизма, сначала погасила «революцию рационализма», вспыхнувшую в Халифате, а затем — погрузила Исламскую цивилизацию в состояние астении. А уже астения, постепенно приближающаяся к социальной агонии, породила и те самые политические конвульсии, которые в наше время получили название «исламский террор».

Весь мир насилья мы разрушим...

Итак, у нас остался последний вопрос. Почему вспыхнул джихад и почему целью его был избран Запад? Для ответа на этот вопрос нам опять придется обратиться к истории. Только уже не к далеким Средним векам, а к Новейшей истории — истории второй половины XX — начала XXI века.

Данной фазе развития Исламского мира посвящено множество серьезных исследований. Среди них, на наш взгляд, особенно выделяются книга французского аналитика Ж.Кепеля «Джихад. Экспансия и закат исламизма» (М.: Ладомир, 2004) и монография российского историка, арабиста и исламоведа Р.Г.Ланды «Политический ислам: предварительные итоги» (М.: Институт Ближнего Востока, 2005). В дальнейшем изложении мы будем пользоваться по большей части материалами этих работ, и если свести огромную фактуру, которую они содержат, в крупные сюжетные реперы, то в новейших трансформациях Мира ислама, как нам представляется, можно выделить три вполне очевидных периода. Это период национализма, период исламизма и период джихада.

Каждый из них имеет свою специфику.

Период национализма характеризуется тем, что мусульманские, прежде всего арабские, страны освободились от господства европейских держав и начали строить свои собственные суверенные государства. Причем в результате военных переворотов во многих из них утвердилась авторитарная светская власть — «молодые офицеры», взявшие курс на быструю технологическую модернизацию. В Египте это был Гамаль Абдель Насер, в Сирии — партия БААС, которую возглавил Хафез Асад, в Алжире — Хуари Бумедьен, в Ливии — Муамар Каддафи, в Судане — Джафар Нимейри, в Ираке — Саддам Хусейн. Все эти лидеры стремились к национальному возрождению и почти все они первоначально рассматривали традиционный ислам как препятствие, мешающее развитию. Религию они ставили под строгий государственный контроль, а Насер, например, просто разгромил организацию «Братьев-мусульман», существовавшую в Египте еще с конца 1920-х годов.

Данный период можно также назвать периодом «социалистического романтизма». Многие арабские лидеры ориентировались на Советский Союз, авторитет которого после победы во Второй мировой войне был чрезвычайно высок, и рассчитывали с его помощью осуществить необходимые преобразования в самые сжатые сроки. Также в этот период были сильны идеи панарабизма — объединения арабских стран в некую колоссальную федерацию, которая общими силами могла бы противостоять Западу.

В общем, это было время надежд. Возводились плотины, прокладывались дороги, создавались армии, строились заводы, больницы, школы. Казалось, что после долгих столетий оцепенения Исламский мир пробудился, что он неудержимо устремился

вперед и что скоро передовые арабские страны займут достойное место в ряду других великих держав.

Надежды эти развеялись довольно быстро. Несмотря на первоначальные успехи модернизационных проектов, все они потерпели очевидную неудачу. Итогом их стал тяжелый экономический кризис, сопровождаемый, что естественно, масштабными социальными потрясениями. Дело в том, что модернизация, то есть переход от аграрного статуса к индустриальному и сопровождающая его трансформация традиционного общества в современное, имеет свои непреложные закономерности. Модернизация подобна землетрясению: рушится прежняя жизнь и возникает совершенно новый пейзаж, незнакомый и чуждый громадному большинству населения. Колеблются все традиционные представления, исчезают законы, прежде расчерчивавшие устойчивое патриархальное бытие. Начинаются тотальное разорение крестьянских хозяйств и миграция сельского населения в города, где оно попадает в непривычную для себя среду. Адаптация к новой жизни происходит мучительно. Громадные массы вчерашних крестьян оказываются выброшенными на периферию — они становятся социальными маргиналами, и города, по точному выражению Р.Г.Ланды, превращаются в «пороховые бочки».

Достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар.

Ситуация усугубляется еще и тем, что авторитарные режимы, как свидетельствует история, эффективны лишь в первую половину своего правления, когда необходима жесткая власть, чтобы запустить модернизационный процесс. А далее, озабоченные проблемой собственного выживания, такие режимы становятся тормозом на пути обновления: в них развиваются чудовищная коррупция, nepотизм, особенно сильный в обществах, не изживших архаические родо-племенные отношения, социальные лифты блокируются, происходит резкое расслоение на богатых и бедных, а нарастающее недовольство народных масс гасится демагогией, репрессиями и цензурой. Выход из тупика авторитарные режимы обычно ищут в победоносных войнах, то есть пытаются компенсировать внутренние неудачи блеском внешних побед. Этим же традиционным путем последовали и арабские страны, но сокрушительные поражения от Израиля привели к полной и окончательной дискредитации светских правительств. Тем более что одновременно потерпели крах грандиозные проекты панарабизма. Египту не удалось объединиться ни с Сирией, ни Северным Йеменом, несмотря на усилия обеих сторон. Ливии под руководством Муаммара Каддафи не удалось ни объединиться с Тунисом, ни создать Федерацию арабских республик в составе Египта, Ливии и Судана.

Естественно, что в этих условиях возник запрос на социальный рецепт, обещающий быстрое и эффективное исцеление. И также естественно, что для Исламского мира таким «рецептом спасения» стал ислам.

Период исламизма как раз и характеризуется тем, что ислам становится организованной политической силой. Он становится исламизмом, который современные исследователи определяют именно как политическую форму ислама. А необычайная привлекательность этой религиозной идеи объясняется ее идеологической простотой. Если советский социализм и западный либерализм не принесли процветания в Мир ислама, значит, они являются чуждыми исламской цивилизации. Не следует больше тратить силы на бесплодные эксперименты. Следует вернуться к тому, что составляет основу исламской духовной жизни. Золотой век ислама возродится только тогда, когда все будут жить по законам, заповеданным Аллахом. «Коран — наша конституция, ислам — решение всех проблем».

Собственно, исламизм воплощал собой идеи двух мусульманских философов — Саида аль-Кутба, идеолога организации «Братьев мусульман», основанной в Египте еще в 1928 году, и Абуль-Ала Маудуди, идеолога созданной в Пакистане партии «Джамаат-и-ислами». Более умеренный Маудуди писал, что «наш принцип — это подчинение Аллаху, а не секуляризм, планетарная община, а не ограниченный

национализм, суверенитет Аллаха и Халифат, а не суверенитет народа и правление масс». Саид Кутб был гораздо решительнее. Он призывал к полному разрыву с существующим в Исламском мире порядком и считал, что справедлив только тот правитель, который руководствуется откровениями Аллаха. В своих писаниях Кутб учил: «Ислам нуждается в возрождении. Возрождение начинается меньшинством, которое изолируется от общества варварства и противится ему, не признает для себя в нем ни родины, ни семьи, ни связи, ни закона, ни обычая. Оно признает только одну бесспорную вещь — разрушение силой и насилием, полное уничтожение, не оставляющее большого и малого... Прежде всякой дискуссии или убеждения необходимо свергнуть правящий режим, так как он варварский, все режимы, так как они варварские, даже те, которые призывают к исламу в своих документах и конституциях». Как видим, высказывания вполне экстремистские. Сама же «Ассоциация братьев-мусульман» формулировала свою идеологию так: «Ислам — это догма и культ, это родина, нация, религиозная вера и государство, душа и тело». Или как пишут о том же уже современные авторы: «Главной целью исламистских движений является <...> реисламизация исламских обществ, впадших в невежество. Для исламистов главные виновники этого — нынешние лидеры мира ислама, проявившие слабость, позволившую Западу обосноваться на землях ислама <...> В подобных условиях исламизм становится естественной формой политической оппозиции своему прозападному правительству»¹⁷.

В общем, рецепт был найден — по всему Миру ислама начали возникать исламские политические партии. Причем они сразу же, в отличие от выдыхающихся авторитарных режимов, начали демонстрировать свою близость к народу. Когда в октябре 1991 года в районе Каира произошло сильное землетрясение — погибли более 500 человек и 50 тысяч людей остались без крова — именно «Братья-мусульмане» первыми пришли пострадавшим на помощь, опережая в этом громоздкую государственную бюрократию. И точно так же при землетрясении, произошедшем в Алжире в 1989 году, первыми на помощь пострадавшим пришли волонтеры «Исламского фронта спасения», чем и завоевали себе серьезный авторитет. А еще раньше, в том же Египте, когда выяснилось, что общественный транспорт не справляется с перевозкой учащейся молодежи, исламистские ассоциации организовали мини-автобусы, предназначенные для студенток. Спрос на эту услугу быстро превзошел предложение, и мини-автобусы начали перевозить уже только тех девушек, которые носили хиджаб. Далее то же самое произошло и с одеждой: «исламское облачение» (платок, плащ, перчатки) предлагалось студенткам по очень низкой цене. Коллизия внешнего «статусного маркирования», разделяющего богатых и бедных, и для молодежи очень серьезная, была таким образом смягчена. То есть исламские объединения показали, что они могут «по-исламски» решать проблемы, перед которыми государство бессильно.

Это придало исламистским движениям необыкновенную популярность, и авторитарные режимы мусульманских стран, как правило, увязшие в коррупции и бюрократических топях, почувствовали в исламе силу, которая, как им казалось, может их укрепить. Началась реисламизация конституций в Алжире, Египте, Бангладеш, Индонезии, Судане, Сирии. В «Организации освобождения Палестины» исламистская идеология начала вытеснять и советский социализм, и светский национализм. Тем более что для исламских интеллектуальных элит исламизм в это время стал символом антизападного патриотизма.

Подъему исламистских движений способствовало одно важное обстоятельство. В 1973 году вспыхнула очередная война между коалицией арабских стран и Израилем, который поддерживали США. Формально эта «война Судного дня» закончилась победой Израиля, войска которого настолько продвинулись в Египет и Сирию, что уже могли обстреливать Каир и Дамаск, но, как выяснилось через несколько лет, Запад и ориентированный на него Израиль потерпели в этой войне стратегическое поражение. Страны ОПЕК наложили запрет на поставки нефти тем государствам, которые

оказывали Израилю помощь. Цены на «черное золото» взлетели в несколько раз, колоссальные деньги хлынули в нефтедобывающие страны Залива, а они, в свою очередь, и прежде всего Саудовская Аравия, начали широкое финансирование нарастающей «исламистской волны». По всему Миру ислама строились и ремонтировались мечети, создавались медресе (духовные семинарии мусульман), поддерживались исламские университеты, организовывались для молодежи исламские «летние лагеря», оказывалась помощь исламским партиям и движениям. Возникли по-настоящему крупные исламские банки, которые морально легитимизировали исламские капиталы через закят и одновременно консолидировали на исламских принципах средний класс мусульманских стран. То есть не одни только лозунги обеспечили расцвет политического ислама — энергию ему придавало также и постоянное мощное финансирование.

А мировоззренческим катализатором исламизма стала иранская революция 1978—1979 годов, свергнувшая режим шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. К власти в Иране пришли исламские фундаменталисты во главе с аятоллой Хомейни, объявившие о построении истинно исламского государства.

И опять-таки показалось, что исполняется вековая мечта мусульман. Еще усилие, еще немного, еще один шаг, и Исламский мир вырвется из цивилизационного тупика. Воцарится божественная мудрость Корана, просияют законы, данные не человеком, но — богом, наступит эра долгожданного процветания, утвердятся — и уже навсегда — равенство, братство и справедливость.

Однако и этим мечтаниям сбыться было не суждено. Мусульманские государства исламизировались одно за другим, но ситуация в них, выражаясь корректно, лучше не становилась. По-прежнему всюду царили бесправие и нищета, по-прежнему душили граждан коррупция и всевластие власти. Иран, который должен был стать моделью для Мира ислама, увяз в бессмысленной и кровопролитной войне с Ираком. Разбогатевшие на нефти государства Залива, казалось, постепенно начали забывать о своих страдающих братьях.

Это опять был тупик.

Мирная исламизация не удалась.

И тогда ислам поднялся на следующий уровень социального активизма.

Период джихада стал для Исламского мира явлением закономерным. Выше мы уже говорили, что очень трудно провести четкое разделение между исламистами и джихадистами. Исламисты, разочаровавшись в политике, достаточно часто переходят к вооруженной борьбе, а джихадисты, как правило, руководствуются в своей деятельности идеологией исламизма. Это как бы взаимно перетекающие статусы. Акцентировка того или другого зависит от конкретных социальных условий. И естественно, что когда обнаружилось бессилие исламских политических средств, на первое место начали выдвигаться экстремальные методы.

Собственно, теми же постулатами руководствовались и российские революционеры конца XIX— начала XX века. Если легальным путем свободу, равенство, братство и справедливость в России не утвердить, значит формой социальной борьбы станет террор.

Два мощных фактора послужили катализаторами джихада.

Во-первых, это послевоенный демографический взрыв, приведший к резкому увеличению численности населения. Объяснялся он и чисто биологической реакцией популяции *homo sapiens* на потери во Второй мировой войне и ростом уровня жизни, поскольку технологии, сверхинтенсивно наработанные этой войной, теперь внедрялись во все сферы деятельности, и фармацевтической революцией, в частности появлением антибиотиков, резко снизившим детскую и подростковую смертность.

На Западе демографический взрыв, который получил там название «бэби-бум»,

привел к молодежным революциям конца 1960 — начала 1970-х годов и к вспышке левого терроризма, поразившего тогда Европу и США.

Тем не менее эти эксцессы Западу, хоть и с колоссальным трудом, удалось постепенно нормализовать.

В Исламском мире ситуация сложилась значительно хуже.

Традиционное общество по природе своей очень инертно и реагирует на социальные вызовы с большим опозданием. В частности, ориентированное на многодетную и многопоколенную семью, что понятно в условиях короткой жизни и высоких показателей смертности, оно лишь постепенно снижает рождаемость, хотя смертность уже заметно падает, а длительность жизни ощутимо растет, и поэтому в нем начинает накапливаться избыточное количество молодежи. Ну а поскольку слабая экономика не может позитивно использовать этот избыток, то молодежная энергетика начинает обретать маргинальные формы. Когда растешь в нищете, когда в жизни нет никаких перспектив, невольно становишься сторонником революции. А темпы роста мусульманского населения в послевоенный период были — без преувеличения — фантастическими. «В 1955–1970 гг. прирост населения в Алжире составил 41,2%; в Бангладеш — 46,6%; в Египте — 42,9%; в Индонезии — 39%; в Иране — 49,4%; в Марокко — 51,5%; в Пакистане — 48,6%; в Турции — 48,3%»¹⁸. Правда, мировой рекорд рождаемости поставили палестинские земли, оккупированные Израилем по итогам Шестидневной войны. В результате городская и сельская молодежь, не найдя себе места в жизни, стала неиссякаемым ресурсом джихада.

А вторым мощным фактором оказалась война. В 1979 году Советский Союз вторгся в Афганистан. Причем ввязываясь в эту «ограниченную операцию», кстати также призванную компенсировать внутренние проблемы советского общества блеском внешних побед, тогдашнее руководство СССР не учло одного важного обстоятельства. Мусульмане рассматривают Мир ислама как некую цельность, как священные земли, дарованные Аллахом им всем. И любое вторжение «неверных» (кафиров) в Дар аль-ислам — это вызов всей умме, всему Исламскому миру, каждому мусульманину. Все истинно верующие должны встать на его защиту.

Так в итоге и произошло. Добровольцы, желающие сражаться с неверными, начали отовсюду стекаться в Афганистан. Возникли базы и тренировочные лагеря в Пакистане. Возникли исламские центры, идеологически обеспечивающие джихад. Саудовская Аравия начала финансировать поставки туда оружия и снаряжения. Соединенные Штаты, которым было выгодно воевать с Советским Союзом чужими руками, приняли деятельное участие в подготовке боевиков. В итоге Советский Союз эту войну проиграл, что и дало возможность Усама бен Ладену заявить, что «одну сверхдержаву мы сокрушили».

Правда, результаты этой войны оказались совсем не такими, как ожидалось. Ситуация, как и в «войне Судного дня», парадоксальным образом вывернулась наизнанку. Координаты геополитики трансформировались: проигравшими оказались практически все стороны, вовлеченные в этот конфликт. Советский Союз через некоторое время распался. Афганистан погрузился в пучину непрекращающегося гражданского противоборства. Вернувшиеся домой джихадисты стали детонатором катаклизмов в своих собственных странах. Но главное, что за время этой войны выросла и окрепла «Аль-Каида», символическим знаменем коей и стал Усама бен Ладен.

И врагом номер один он теперь объявил Соединенные Штаты Америки.

Таков краткий сюжет.

Казалось, сама история неумолимо, этап за этапом продвигает Мир ислама к джихаду. Джихадисты — лишь слепое орудие, которым она расчищает свой странный путь.

Неизвестно, куда он ведет.

Но удары по второй «империи зла» не заставили себя ждать.

Неожиданно выяснилось, что война, которую считали законченной, только еще разгорается.

Ад — это другие

Странно, что никто этого вектора не предвидел. Хотя к концу XX века многие закономерности социальных преобразований уже стали понятны. Европейская история, в частности, ясно продемонстрировала, что модернизация аграрных стран всегда приводит к массовому разорению крестьянства, которое по необходимости мигрирует в города. Демографический максимум лишь осложняет данную ситуацию. А избыточная энергетика молодежи, которую социум не способен трансформировать в позитив, неизбежно порождает экстремальные формы протеста.

Возможно, западные политики рассчитывали на то, что эта разрушительная энергетика все-таки не выплеснется через край, а прогорит в междоусобных конфликтах внутри самого Исламского мира.

И для таких надежд были достаточные основания.

Первые удары джихада были нанесены именно «по своим». Еще в 1981 году организация «Египетский исламский джихад» совершила убийство президента Египта Анвара Садата. Джихадисты считали его предателем, поскольку Садат подписал мирный договор с Израилем (за что Египет был исключен из Лиги арабских стран) и вообще начал политическое сближение с Соединенными Штатами. Одновременно вспыхнул ирано-иракский военный конфликт, и обе эти страны надолго выбыли из «большой международной игры». Ливия оказалась втянута в гражданскую войну в Чаде. Масштабная гражданская война между исламистами и светским правительством началась в Алжире. Даже в «Счастливой Аравии», духовном центре Исламского мира, произошла трагедия, потрясшая всех мусульман. Ранним утром в ноябре 1979 года во время молитвы, на которую собралось более 50 тысяч людей, террористы из группировки «Аль-Масджид аль-Харам» захватили главную мечеть Мекки. Вдохновлял их некий Мухаммед аль-Кахтани, объявивший себя Махди (мессией), призванным обновить ислам. Террористов было около 500 человек, они организовали грамотную оборону и рассадили снайперов в минаретах мечети. Саудовские силовые подразделения оказались не готовы к такому повороту событий и были вынуждены позвать на помощь французский спецназ. Это вызвало колоссальное возмущение в Мире ислама: «неверные», которым вход в Мекку был категорически запрещен, очутились рядом со священной Каабой. Бои в центре города продолжались в течение двух недель, лишь 4 декабря, после того как погиб сам «Махди», террористы капитулировали.

Однако, как нам представляется, одной из главных причин того, что конфликт между Западом и Миром ислама перешел в состояние открытой войны, является все же «имперский синдром» Соединенных Штатов. Обнаруживать себя он начал еще в начале XX века, но особенной силы достиг именно в последние десятилетия. Основные идеологические черты «имперского синдрома» следующие. Америка — избранная страна, которой сам бог предназначил руководить всем человечеством. Американцы — избранный народ, дающий пример другим народам Земли. Это подтверждается необычайным могуществом Соединенных Штатов — самыми сильными в мире экономикой и валютой, самой мощной армией, которой ничто не может противостоять, самым привлекательным образом жизни, к которому стремятся миллионы людей. В общем, у Америки есть провиденциальная санкция на главенство и поэтому она имеет право переустраивать мир по своему образцу.

Распад СССР в 1991 году лишь утвердил Соединенные Штаты в том, что все идет правильно: главный противник повержен, сам бог на их стороне, и они перестали

считаться с какими бы то ни было ограничениями. Америка начала совершать те же ошибки, что и Советский Союз. В 1991 году она осуществила военную операцию против Ирака, и хотя с точки зрения международных правил и норм все было законным: Америка освобождала оккупированный Саддамом Хусейном Кувейт, с точки зрения Исламского мира это граничило со святотатством: американские части для наступления разместились в Аравии, «неверные» высадились на священной для мусульман земле. Тем более что Саддам Хусейн оккупировал Кувейт как бы «не для себя», но провозгласил, что нефтяные богатства этой страны должны принадлежать всем мусульманам, а не кучке коррумпированных правителей. А уж когда Соединенные Штаты разгромили Афганистан (чем бы они эти действия ни мотивировали), а затем вторично, выдвинув надуманные обвинения, вторглись в Ирак, чтобы окончательно свергнуть режим Саддама Хусейна, Исламский мир воспринял это как агрессию против себя: «крестоносцы» вновь, как в Средние века, начали захватывать земли Дар аль-ислама.

Хотели того Соединенные Штаты или не хотели, или, может быть, просто опьяненные военным могуществом, не обратили внимания на такую мелочь, но они сами активировали джихад, став при этом его главной мишенью. Причем имперское самомнение не позволило им внять даже открытым угрозам. В частности, еще во время афганской войны один из идеологов джихада Абдаллах Аззам дал работу под названием «Защищать землю мусульман — важнейший долг каждого». Согласно Аззаму, «все правоверные были обязаны морально или финансово участвовать в афганском джихаде, чтобы не впасть в великий грех, и каждый мусульманин, чувствующий себя способным сделать это, имел право участвовать в джихаде с оружием в руках, не испрашивая на то разрешения ни у кого, «даже у повелителя правоверных, если таковой имеется». Более того, Аззам уже тогда полагал, что «Афганистан — это лишь первый пример исламской территории, узурпированной «неверными» (то есть СССР. — А. С.), отвоевать которую с помощью джихада было священным долгом: «Эта обязанность не исчезнет вместе с победой в Афганистане, джихад будет оставаться личным долгом каждого мусульманина, пока мы не вернем все земли, ранее бывшие мусульманскими, чтобы ислам воцарился там вновь: перед нами — Палестина, Бухара, Ливан, Чад, Эритрея, Сомали, Филиппины, Бирма, Южный Йемен, Ташкент, Андалусия...». А в феврале 1998 года уже Усама бен Ладен и Айман Аз-Завахири (позже, после смерти Бен Ладена, возглавивший «Аль-Каиду») выпустили манифест, где объявили о создании «Мирового исламского фронта джихада против иудеев и крестоносцев». В манифесте говорилось, что Америка открыто объявила войну Аллаху и его Пророку, и подчеркивалось, что убивать американцев и их союзников является долгом каждого мусульманина. «Мы призываем, с разрешения Аллаха, каждого верующего мусульманина, желающего быть награжденным Аллахом, следовать приказу Аллаха убивать американцев <...> в любом месте и в любое время».

Да что там призывы! Соединенные Штаты не насторожили по-настоящему даже конкретные террористические атаки против американцев, европейцев, израильтян, начавшиеся в этот период. В 1992–1994 годах в Египте, например, погибли 7 иностранцев. В Алжире в сентябре 1993 года «вооруженная исламская группа» (ВИГ) убила двух французских геодезистов, и «эмир» этой организации заявил, что «иностранцы, как и алжирские, "безбожники" являются законной мишенью джихада. Это послужило началом кампании убийств иностранцев: до конца 1993 года их погибнет 26 человек». В 1996 году в каирском отеле были убиты 18 туристов из Греции, принятые террористами за израильтян, и ответственность за теракт взяла на себя «Гамаа исламийя», напечатавшая коммюнике: «Иудеям нет места на мусульманской земле Египта». В сентябре 1997 года в Египте были убиты 33 немецких туриста, а в ноябре того же года произошла «Луксорская резня», в которой погибли 62 человека — туристы и местные служащие. Ответственность за эту трагедию взяла на себя та же «Гамаа исламийя»,

руководитель ее, шейх Омар Абдель Рахман, слал из Нью-Йорка «кассеты с записями, в которых характеризовал туризм как источник разврата и распространения алкоголизма и объявлял его харамом (запрещенным религией)». В те же 1990-е годы прозвучали взрывы на военной базе США в Дахране (Саудовская Аравия), погибли 19 американцев, в Еврейском центре Буэнос-Айреса (Аргентина) — погибло 86 человек, в берлинском ресторане «Микос» — погибли 4 человека. А в 1999 году джихадисты взорвали посольства Соединенных Штатов в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания).

Конечно, Соединенные Штаты тоже не сидели сложа руки. Они, например, нанесли ракетный удар по химическому заводу в Хартуме (Судан), где, как считалось, производились ингредиенты взрывчатки, предназначавшиеся для поставок Бен Ладену, также они неоднократно бомбили тренировочные лагеря боевиков в Афганистане, обрушили авиаудары на военные объекты в Триполи и Бенгази (Ливия), вылавливали джихадистов по всему миру и содержали их в секретных тюрьмах, расположенных на базе Гуантанамо (Куба), в Польше, Румынии¹⁹, Литве²⁰ и некоторых других странах. Однако заметим, что по своим целям и средствам это была типичная война «империи» со взбунтовавшимися «колониями»: она лишь подавляла анклав исламского сопротивления, но не устраняла причины, порождавшие их.

Главное же, что можно сказать без всякого преувеличения: Соединенные Штаты проиграли Исламскому миру идеологическую войну. За что — при всех их кошмарных методах, которые иначе как преступлениями назвать нельзя, — сражаются исламские боевики? Они сражаются за высокие принципы равенства и справедливости. По крайней мере в том виде, как они эти принципы понимают. Ими движет ослепительная мечта — построить на земле Царство Аллаха, воплотить в жизнь божественные установления шариата, вот тогда наступят в мире спокойствие и счастье для всех.

Неважно, что осуществить эту мечту невозможно.

Неважно, что все прежние попытки построить Царство Божие на земле потерпели провал.

Они искренне верят в него и ради этого готовы пожертвовать всем.

А что могут предложить им Соединенные Штаты? Ничего, кроме как перенять образ жизни Америки. Перестать быть арабами и мусульманами. Превратиться в третьесортных американцев, с вечной завистью взирающих на богатого и могущественного патрона. Такую перспективу Мир ислама категорически отвергает. Ничего удивительного, что если для западных стран Усама бен Ладен — преступник, то для многих и многих мусульман он — герой. Он сражался против «неверных», против американской глобализации, против нового крестового похода Запада, вторгающегося в Исламский мир. В Пакистане, например, возник «настоящий культ Бен Ладена, портрет которого красовался на всех манифестациях, устраивавшихся радикальными суннитскими исламистами». В молодежной исламской культуре Бен Ладен имеет громадную популярность: он присутствует на постерах, майках, значках, календарях и т.п., «на многих арабоязычных форумах люди ставят себе аватары с его изображением, а также говорят о нем с нескрываемым восхищением как о "Льве ислама", о защитнике арабского населения Палестины в его борьбе с Израилем»²¹.

Не будем, однако, идеализировать Исламский мир. Сражение за высокие идеалы еще не означает ни моральную, ни историческую правоту. В конце концов, мало ли было в мире империй и государств, высокие идеалы которых удивительным образом сочетались с чудовищными средствами их достижения.

Пока несомненно одно. Исламский мир находится в историческом тупике. Не увенчалась успехом ни единая попытка создать в пределах его стабильное и процветающее государство — ни путем европейской модернизации, ни путем арабского национализма, ни через политический исламизм. Нынешний «халифат», «исламское государство», спонтанно возникшее на территориях Сирии и Ирака, тоже — что

вполне очевидно — не представляет собой социальную общность, в которой большинство мусульман хотело бы жить.

Между тем во второй половине XX века сразу несколько стран, которых называют азиатскими «тиграми» или «драконами», сумели совершить настоящий прорыв, выйдя на высокий уровень социального и экономического развития. Это Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань. Сейчас аналогичным путем движутся Индия и Китай. А еще раньше, в конце XIX— начале XX века, такой же технологический спурт совершила Япония, став одной из лидирующих индустриальных держав. Интересно, что при этом им не пришлось жертвовать своей национальной культурой — ни американизироваться, ни европеизироваться — они сохранили и национальное своеобразие, и национальные верования.

Правда, все эти страны были не арабские и не мусульманские.

И еще более любопытный факт. В тех исламских, но не арабских странах, которые если и не совершили мощного технологического прорыва, но все же добились определенных успехов в развитии, ислам был либо совершенно вытеснен на периферию, как одно время в Турции, либо модифицирован местными этническими религиями, как в Малайзии и Индонезии, приобретая вследствие этого более мягкие, размытые, толерантные формы.

Так что перед Исламским миром, на наш взгляд, стоит проблема цивилизационного самоосознания. Возможно, его развитие сдерживает «арабизм» — непрерывное культивирование архаических черт арабского исторического характера. А возможно — политический исламизм, неуклонно обретающий экстремальные формы джихада.

И вот тут, как нам кажется, возникает главная трудность, заключающаяся в ответе на проклятые вопросы: кто виноват и что делать?

Трудность эту можно сформулировать так.

Еще никогда ни один народ в истории не сказал: в наших бедах, в наших трагедиях и несчастьях виноваты мы сами. Нам следует измениться, нам следует избавиться от недостатков, корежащих нас, нам следует обрести иные национальные качества, более соответствующие современности. Исключением здесь являются только немцы, открыто признавшие после Второй мировой войны свою вину за фашизм, что, видимо, и способствовало развитию новой Германии.

Но это именно исключение. А как правило, народ никогда не признает виноватым себя. В его бедствиях непременно виноват кто-то другой — некие внешние силы, мешающие ему достичь прекрасной Обетованной земли.

Нечто подобное движет сейчас коллизией «Запад — Исламский мир». Имперская шизофрения, которой охвачены ныне Соединенные Штаты, не позволяет им понять элементарную вещь: вина за расширение глобальных конфликтов в значительной мере лежит на них. А Исламский мир, в свою очередь, убежден, что во всех его бедах виноват исключительно Запад и что лишь сокрушив эту «империю зла», он сможет добиться настоящего прогресса и процветания.

Самуэль Хантингтон назвал это «столкновением цивилизаций».

Это также можно назвать «войной миров», противоборством двух этнокультурных вселенных, ни одна из которых не способна признать другую.

Причем, судя по расширяющимся зонам хаоса, до кульминации еще далеко.

Взрывы непрерывно гремят.

Война разгорается.

В дыму горизонтов не видно пока никакого обнадеживающего просвета.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Браницкий А.Г., Корнилов А.А. Религии региона. — Н.Новгород, 2013. С. 63.
- ² В русском произношении — архангел Гавриил.
- ³ Ссылки на Коран даются по переводам Г.С.Саблукова и И.Ю.Крачковского. Ссылки в цитатах принадлежат авторам приведенных цитат.
- ⁴ Ахмад 5/411, Абу Ну'айм в «аль-Хилья» 3/100. Шейхуль-Ислям Ибн Таймия и шейх аль-Альбани подтвердили достоверность этого хадиса. См. «аль-Иктида» 1/69, «ас-Сильсия ас-сахиха» 2700. — <http://islam-forum.ws/viewtopic.php?t=19284&f=80>.
- ⁵ О жестокостях голландцев в своих колониях см., напр.: Шервинский С. Ост-Индия. — М., 1991.
- ⁶ Левант — средневековое название региона в восточной части Средиземного моря, где в настоящее время расположены Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция.
- ⁷ Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. — М., 1976. С. 110.
- ⁸ Al-Khalili J. The «first true scientist». // BBC NEWS. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/7810846.stm>.
- ⁹ Столяров А. Освобожденный Эдем. — М.; СПб., 2008. С. 15—21.
- ¹⁰ Льюис Б. Ислам: что пошло не так? // Россия в глобальной политике. 2003. № 1.
- ¹¹ Айдын Ариф Оглы Али-заде. Мутазилиты — основатели философского рационализма в исламе // ТОПОС. Литературно-философский журнал. 2004. 24 марта.
- ¹² Цит. по: Михайлов Ю. Как побороть ИГИЛ — религиозный мутант эпохи глобализации. // <http://eadaily.com/ru/news/2015/12/19/yuriy-mihaylov-kak-poborot-igil-religioznuu-mutant-epochi-globalizacii>
- ¹³ Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. — М., 1966. С. 148.
- ¹⁴ Васильев Л.С. История религий Востока. — М., 2006. С. 454—455.
- ¹⁵ Королев К. Ислам классический: Энциклопедия. — М.; СПб., 2005.
- ¹⁶ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. — М., 2004.
- ¹⁷ Излагается и цитируется по: Кепель Ж. Указ. соч.
- ¹⁸ О закономерностях модернизации см.: Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1 и 2. — М.; СПб., 2004.
- ¹⁹ Главная европейская тюрьма ЦРУ располагалась в Польше. // LENTA.RU. — <https://lenta.ru/news/2005/12/09/poland/>
- ²⁰ В Литве нашли секретную тюрьму ЦРУ // SPUTNIK — <http://ru.sputniknews.lv.com/Baltics/20160318/1010088.html>.
- ²¹ 20 интересных фактов об Усаме бен Ладене. // 812*ONLINE. — <http://www.online812.ru/2011/05/10/006/>.

Моя малая Родина

Арслан Хасавов

Здесь и сейчас

* * *

Я закрываю глаза и вижу землю — желтые пески Каракумской пустыни под палящим среднеазиатским солнцем. Одногогорбый верблюд, верный спутник моих вымышленных скитаний, задумчиво прожевывает колючку. Остро хочется пить. Впрочем, здесь всегда хочется пить. Воды в бурдюке не осталось, карта утеряна, что делать дальше, куда идти — непонятно. В стороне, по одному из высоких барханов, величественно проплывает доисторический варан. Кажется, что через мгновение также естественно в синем, без облаков небе может появиться и птеродактиль. Застыв на секунду, словно бы прислушиваясь к чему-то, варан уползает прочь.

* * *

В последнее время стало принято изучать и обсуждать миллениалов — людей, родившихся и выросших на стыке не только эпох, но и тысячелетий. Считается, что их привычки и стиль жизни сильно отличаются от привычек представителей всякого другого поколения.

Я хорошо помню встречу Нового — двухтысячного — года, миллениума. Двенадцатилетний, я наблюдаю за яркими огнями танцпола одного из ресторанов в центре Ашхабада, еще стесняясь проявить себя. По телевидению и в школе уже довольно давно говорят о том, что это совершенно особенное, небывалое событие, и когда ди-джей, немного приглушив музыку, начинает обратный отсчет, меня непроизвольно пробирает дрожь. «Пять! Четыре!» Что-то ведь должно измениться?! «Три! Два!» Сердце бьется с утроенной энергией. «С Новым годом! С миллениумом!» Я озираюсь вокруг — гадающая веселая толпа кажется в точности такой, как была, и сейчас это не шутка, не только в прошлом веке, но и тысячелетии.

Говорят, миллениалам, в отличие от всех предыдущих поколений, не нужна ни какая бы то ни была частная собственность, ни в этой связи, постоянное место жительства. Отсутствие границ, помноженное на чаще всего сносное знание хотя бы одного иностранного языка, не только открывает перед ними едва ли доступные прежде горизонты, а чаще стирает их вовсе.

Важен ли при таких обстоятельствах разговор о Родине? Это слово, за которое некогда боролись и погибали, за прошедшие десятилетия как будто бы потеряло в весе, произносящий его с придыханием выглядит пошло, а писаться оно стало и вовсе со строчной буквы.

«Родина там, где я сейчас». «Родина там, где мне хорошо». «Родина там, — и это звучит хоть немного лучше, — где любимый человек». Продолжая этот ряд, можно и вовсе впасть в крайности: «любимый человек и есть Родина».

Насколько важна эта самоидентификация относительно отдельно взятого места?! Ты — новый человек в новой реальности — всюду одновременно свой и чужой.

Всё остальное — как будто бы не столь значительный, постоянно меняющийся динамический мир — всего лишь фон внутренних и внешних трансформаций.

* * *

У меня несколько Родин. Или ни одной.

Родившийся на исходе советской власти в Туркменистане, я жил себе свою счастливую детскую жизнь, едва ли не каждый год меняя школы и перебирая спортивные секции.

Летние поездки на историческую родину — в Чеченскую Республику — казались необычайным приключением, ведь когда одноклассники разъезжались по близлежащим селам и кишлакам, я с родителями отправлялся в тревожный мир — на живописный полуостров между буйными водами Терека и Сунжи. Путь туда естественным образом лежал через Москву — еще одно яркое приключение, — город, который затем волею судеб станет моим родным домом.

Но тогда до этого было сравнительно далеко — чаще всего мы гостили в коммунальной квартире родственников в кирпичной пятиэтажке в Хлебозаводском проезде — между станциями метро «Каширская» и «Нагатинская», реже — в съемной двушке дяди на улице Зорге. С тех пор в семейном архиве остались не только фотографии, но и видеохроника, снятая еще на кассетную видеокамеру.

Как минимум раз год — в основном в зимнюю московскую пору, когда ночи практически поглощают дни, я люблю их пересматривать. Бесконечно далекое прошлое кажется ныне чем-то отжившим, не совсем реальным. Я по большому счету не узнаю более ни людей, мельгешащих на экране, ни событий, ни, в конце концов, самого себя. Девичий, еще не сформировавшийся голос, вечно разбитые колени под не менее вечными шортами, приподнятый вихор челки — то, что в простонародье называется «корова облизала». Совсем еще молодые родители, совсем дети мы с сестрой — ныне матерью троих детей; ожидаемо другие эмоции, другие разговоры. И хотя за густой пеленой прошлого вроде как еще можно разглядеть настоящее, туман этот с годами только сгущается, окончательно отделяя мир детства и отрочества — вызывающе пустого и оттого наверное беззаботно-счастливого — от дней сегодняшних.

* * *

Иметь возможность быть всюду своим — значит быть, одновременно с этим, всюду чужим. Это бесконечный цикл, где на всякое «за» найдется свое «против». Чаши весов, если и дернутся под новым грузиком аргументов, тут же застынут на середине, под тяжестью чьих-нибудь слов или взглядов.

Кумыки, преимущественно населяющие наше родовое село Брагуны, — национальное меньшинство в Чечне. Само собой, наша семья была национальным меньшинством и в постепенно сжимавшемся, так что сложно дышать, пространстве Туркменистана. Стоит ли в этом контексте говорить о Москве? Начало двухтысячных — регулярные террористические акты, следы которых не менее регулярно вели в Чечню. Кроме прочего, тогда еще на улицах встречался ныне вымерший вид молодежной субкультуры — скинхеды, с переменным успехом пытавшиеся «зачистить» улицы города от кавказцев и азиатов.

Первого сентября, по пути к моему первому учебному дню в Москве, папа, заметно нервничая, инструктировал меня:

— Не бойся никого... Если кто-то что-то скажет, сразу бей.

Я поправлял на себе белую рубашку и успокаивал то ли его, то ли себя самого:

— Ничего такого не будет... Но если что — ударю конечно.

Впервые оказавшись в Нью-Йорке в 2010-м, я, сам потрясенный этим обстоятельством, на мгновенье «перекрасился». На одном из углов ровно нарезанного пирога кварталов Манхэттена стоял, окруженный слушателями, массивный афроамериканец в удивительных латах. Держа в руках Библию, он объяснял собравшимся, что белые — неполноценны.

— Да, — отвечал он на возражение человека из толпы, — я все понимаю, и у меня есть такие друзья, но что поделать...

Город иммигрантов, за годы своего существования вобравший в себя всякого, кто был этого достоин и кто к этому по-настоящему стремился, мог позволить себе такие

шалости. Земля не разверзлась, небоскребы не пошатнулись, и даже на небе, в которые упираются острые пики билдингов, не выступили капли крови.

* * *

Считается, что настоящей Родиной может стать место смерти — последнее пристанище для тела, когда приходит пора для духа воспарить и раствориться в бесконечности Вселенной.

Я не раз бывал на брагунском кладбище — огороженном поле на окраине села. Засушливая, словно кожа старца, земля испещрена дырами — ходами змей. Как-то, будучи подростком, я подобрал по-видимому скинутую незадолго до этого змеиную шкурку — лоснящуюся и переливающуюся еще маслянистой чешуей под лучами южного солнца.

Среди кажущегося бескрайним кладбища, с его возвышающимися над землей холмиками и могильными плитами с арабской вязью на бортах, есть и ряд Хасавовых.

Эти несколько десятков квадратных метров земли в родовом селе, где покоится прах родственников и предков, — по сути и есть одна из точек опоры, где рано или поздно должны сойтись все пути. Круг замкнется, а закольцованный сюжет заставит заиграть новыми гранями события едва ли не всякой повести.

Впрочем, это совсем не обязательно. В исламе принято хоронить до заката солнца — в землях, где человек в первый и в последний раз повстречался со смертью.

* * *

Недавно я вернулся из очередной поездки в Сирию. Гражданская война, продолжающаяся вот уже шестой год, унесла жизни, только по официальным данным, более полумиллиона человек.

Земля, где когда-то, согласно легенде, Каин убил Авеля, и сегодня не успевает просыхать от человеческой крови. Приверженцы радикального ислама, приезжающие в страну со всего мира, нередко находят здесь последний приют. Погибли там и молодые брагунцы, в каком-то смысле обретя в чужой земле подлинную родину.

Разрушенные города, обстреливаемые дороги, атаки смертников — все это в повседневном меню жизни современной Сирии.

— Ты ведь уже играл однажды? В 2012-м? — спрашивает меня российский офицер на авиабазе «Хмеймим» под Латакией.

— Ну да... — отвечаю я сдержанно.

— Решил снова проверить судьбу?

— Сирия — особая для меня территория...

* * *

В московском парке имени Горького по весне многолюдно. На Пушкинской набережной, прямо у кромки реки, танцуют парочки. Я стою в расслабленной позе, облокотившись на гранитный парапет и цепляюсь взглядом то за одного любопытного персонажа, то за другого.

Под легкой лестницей стеклянного Андреевского пешеходного моста еще одна компания под ритмичную музыку занимается капоэйро — эффектной смесью единоборств и танцев. Должно быть, это бразильцы.

Мой племянник говорит, что проголодался. Мы движемся дальше, выбирая подходящую точку фаст-фуда.

В чистом голубом небе, деловито озираясь, пролетает белая чайка.

Стараюсь сфокусироваться на моменте. К неудовольствию племянника вновь останавливаюсь, но на этот раз закрываю глаза, пытаюсь в буквальном смысле взглянуть в себя.

На фоне темноты выступает мир. Он вертится в диком калейдоскопе — в разноцветных бутылочных стеклышках пролетают Азия и Кавказ, Ближний Восток и США, а вслед за знакомыми маршрутами я вижу и еще неизведанные земли.

Я здесь и сейчас — в любимом парке любимого города. И это, пожалуй, самое главное.